

Цветок Папоротника

За стеклом пробежала тёмная, косматая тень. Аж когтями в землю вгрызается — как торопится-то, прохвост. Уж пятый десяток этому Федорычу, шерстью оброс весь, человека-то от радиации и не осталось — а все туда же, на Охоту. Жить хочет, зараза.

Дед Афанасий-то сам не страшный еще. Нормальный такой с виду. А на охоту идет.

Жалуется, говорит — внутри распирает. Кости растут, кожу тянут. Перед малым раздевался, тыкал себя в разные места — а малой не признаёт.

Дед Афанасий выглянул в грязное окошко, покосился на соседний двор. Так и есть — Федорыч фонарик мастерит. Готовится. Нехорошо.

Екатерина Конон

Родилась в 1988 году в городе Смоленск. Сразу после рождения с родителями переехала в Германию, затем вернулась в Россию, где и живёт до сих пор. Пишет столько, сколько себя помнит. Два года держала первое место на городских литературных конкурсах, выпускала собственную газету-листовку и журнал. В институте написала пьесу «Мир, сошедший с ума», которую позже взял на обработку театр из Новосибирска и занял с ней первое место на Всероссийском конкурсе «Радуга». В это же время была опубликована пара рассказов в городской газете «Самостоянье», а рассказ «Акико» занял третье место на одном из местных конкурсов. Затем в творчестве случился перерыв по личным причинам. Рассказ «Цветок Папоротника» — первый «получившийся» после долгого «молчания» автора, стал победителем на конкурсе фантастики, проводимом порталом «Fantasts.ru».

Он бы и дальше посмотрел — да что из окна-то грязного увидишь?

Да и стена закрывает, не даёт.

Раньше вот как было — асфальтик, дорожка, дома высокие. Тро-ту-а-ры.

Всё рухнуло, было — да сплыло. А стена — старая карга из красного кирпича — осталась. Жить, правда, всё равно в ней никто не решался — травы красной больно много. И года не протянешь...

Так что стоит она себе — и вид загоразживает. А посмотреть, как там остальные готовятся — надо.

— Сиди тут, я пройдусь пойду, — прикрикнул дед на младшенького и быстро выскочил за дверь.

Мальчишка только и успел вдогонку крикнуть: «Возьмёшь меня на охоту?».

«Щас тебе, губа не дура», — подумал про себя дед, осматривая улицу. Как есть, вся деревня собиралась на Охоту. Федорыч метался от сарая к домику — всё доски трухлявые таскал — на черта ему эти доски? Лучше б шерсть свою подстриг — на человека уже не похож. Хотя черт его знает, что там под шерстью его. Радиация — она ж не жалеет. Вон Оглоед уже не Оглоед, а стрекоза какая-то. Глаза выпученные, красные. Внучка, правда, красивая у Оглоеда. Анька — в синей юбке, ноги белые, волосы длинные, смеётся — зубы слепят. Как будто не берёт её ничего.

То-то его Митька с неё глаз не сводит. Ну да и пусть. Он тоже нормальный вполне. Лапы, правда, пятидесятого размера — ну да это мелочи. Ладный жених. Нечего ему за Папоротником соваться.

Ведь за Цветком только отчаянный полезет, в лес-то. Там Новые злобствуют, болота, цветы хищные. Верная смерть. А если от Нового удирать придется? Одного-двух убьёшь, а когда их много нападёт — тут только одно останется. Побежишь, дороги разбирать не будешь. Ну и ступишь, куда не надо. Или цветок какой заденешь, так там и останешься.

Или того хуже — в болото провалишься. Тут уже вылезешь — нет, одна суть — конец тебе. Радиации сразу плюс сто — и сам среди Новых зверем забегаешь.

Это Афанасий точно знал. Горько знал. С детства дружил с мальчонкой одним, Лаврентием. А на восемнадцать лет попал мальчишка в озеро. Ну, по малости-то лет выжил, конечно, да только где ходил — дорожку мокрую оставлял. Прямо из головы вода лезла. И все от солнца норovil

с тех пор. Чуть что не так — юрк в холодильник, в тёмный уголок. Ну, благо, Афанасий с ним поговорил. Объяснил, мол, день к вечеру — к смерти ближе: свои же и пристрелят, как обратится. За Цветком надо идти.

Да только вот не вернулся Лаврентий. А на следующую охотники сказывали — самый страшный из Новых появился — водяной. Ему плюнуть — и радиации как в Синем озере искупаться. Плюс восемьдесят, не меньше.

Афанасий уже не первый год ходил на Охоту — цветов-то на весь лес штуки три в году появляется. И сожрать же надо успеть — а то охотников много, а честь — это штука хорошая, да только не когда у тебя жабры растут. Того и гляди — тебя заместо цветка улопают.

Так что прошёлся он по деревне — где молоток плохо лежит — скинул аккуратненько. Пускай задержатся, нечего за день до Охоты снаряжение разбрасывать.

Мимо Федорыча проходил тише мыши, да не помогло — окликнул зверь:

— С-с-слышь, ты, а Жаркий уже вчера в лес-с ушел, — и шипит, шипит, слова с трудом выталкивает.

«Коли не найдет Цветка — конец ему в этом году. Жалко, конечно, но тут уже каждый сам за себя», — подумалось Афанасию. А сам он с беспечным видом облокотился на подкошенную калитку:

— Да ну? Голод не тетка, значит... обратился, видать, весь. Спасения ищет. Да только не найдет он Цветка — рано еще.

Федорыч молча головой подергал — кивает, значит, и добавил:

— Сволочи. Фонарик на днях стащили. Оставил у двери на пару минут — и нет его. Не видел, кто?

— Так не зевай, сам же знаешь, что охота, — отвернулся Афанасий, — да если б и видел — не сказал бы. С волками жить — так и выть по-волчьи, — добавил он, косясь на старого друга.

И пошел домой.

А сердце-то бьётся, бьётся подлое. Стыдно. За что ж тут стыдно — Федорыч со своей мутацией теперь быстрее всех будет. Да и фонарик он все равно новый сделал.

И все-таки билось предательски сердце, билось так, что в ребра отдавало, как вспомнит про остатки фонарика этого в печке.

Охнул Афанасий, пощупал ребра — так и есть, растут. Скоро порвут его живьём — тут даже не в Нового, тут попросту мертвым окажешься. Так что прости, Федорыч.

Так и зашел Афанасий. Забрался на печку, шыкнул на малого:

— Завтра на охоту пойду. Дней пять не будет. За Анкой приглядывай, к Синему озеру даже не приближайся. Воды из колодца набери про запас. Ну и это, — тут он горло прочистил, смущаясь, — мышей не ешь. Последнее это дело.

Малой так и не ответил — злится, значит.

А ведь дурь, дурь одна в башке. Ведь даже не себе — Анке Цветок хочет. Гордая она больно, что ни чешуи, ни когтей. Будто и нету на неё радиации вовсе. Правда, подозревал Афанасий, что глазищи ее такие синие неспроста. Вот и хочет этот дурень Папоротник ей добыть — чтоб, если вдруг хвост вырастет какой, она цветок — ам, зубками своими белыми, — и снова красавица.

Ей — красавица, а Афанасию — ещё пару лет, и не видать Охоты.

С этой мыслью он и собрался. Всё, как положено — спички, батарейки запасные, фонарик... а топор-то где!?

— Федорыч забегал вчера. Привет велел передавать, — устало протянул малой.

Афанасий аж захлебнулся — вот ведь правду говаривали, что у местных не душа — смола. Перед самой Охотой так ограбить!

— Да чтоб его! Засранцу и чужое добро да впрок пошло! Как ты топор-то отдал!?

Малой поднял глаза, посмотрел на деда — как водой из Синего окатил. Спихнулся дед. Ну да. А как тут не отдать... чудищу-то такому.

А малец тем временем неспешно сполз с лавки, залез в печку и вытащил сверток. А как развернул — деревом пахнуло.

— Родненький... — прошептал Афанасий, прижимая к себе новым топором инструмент.

— Сам сделал, — усмехнулся мальчишка как-то повзрослому, — на следующий год бери с собой.

Афанасий гордо потрепал внука и, крякнув, отправился. Пора уж, а то другие ещё обгонят.

Поначалу легко идти было. Не тропинка — дорога. Благо, что вырубали всей деревней. Ни тебе Новых, ни Адового подсолнуха — благодать одним словом. Шли все вместе, балагурили. Вот уж и стеночка позади заалела — как День тот настал, она будто обновилась вся. С тех пор красный у неё — особенный. Разве что не сияет.

— Хороший нынче год, — пропел один из местных и вальяжно припустил вперёд.

— Лиха беда начало, — тихо отозвался Афанасий. Вот этот-то, что первым вылез — первым и погибнет. Нельзя к Лесу так...

И точно, как к Лесу подошли — улыбки и послетапли. Кое-то уж и заозирался с тоской на кусочек алый позади — как маячок. Дом — там. А впереди — лес, чаща. Какая уж там дорога — тропинок нет. Бреди каждый своим путём, живи, как хошь.

И каждый сам за себя. Старое правило. Действенное. Еще до Дня, когда не было ни красной травы, ни Адовых подсолнухов, не подводило.

Ох, тяжело пошла трава. Высокая, густая. И синет, синет, зараза. Тут бы коса пригодилась, а не топор. Афанасий осторожно продвигался вперед. Вот и красными пошла.

В деревне-то, у колодца, еще зелёная была, родная. А красную обходить надо — это Афанасий еще с прошлого раза помнил. Митька на такую наступил — так ноги волдырями и покрылись. А потом и весь обратился.

Афанасий продвигался медленно, но к ночи уже середины Леса достиг. Остались еще силы у старика, значит. Хотя Федорыч косматый уже, верно, с обратной стороны леса рыщет. Ему и Новые нипочем, с его-то когтями. А у Афанасия только и надежды, что на топор.

Старик облюбывал дерево и прикорнул возле. Ночью и Новые спят, и Адовые подсолнухи не бродят — им солнце нужно, чтоб корни свои туда-сюда таскать. Иначе —дохнут.

Проснулся он с первыми лучами. Солнышко ласковое — лучами по щеке проведёт — любой улыбнется. Даже в самой чаше.

Да только запах, запах-то какой. Афанасий обернулся растерянно — нет, никто не ползет, не летит, не подкрадывается незаметно.

А вонь все-таки страшная стоит. И не слышал же никогда о таком. А неизвестность-то пугает сильнее, чем самые чёрные истории, пробирает до самых костей. А те и так торчат уже до боли, кожу тянут, наружу лезут. Цветок нужен, никак тут без Цветка.

Отряхнулся старик, поднялся... и пошел. Синий — хорошо, красный — обойти, чуть где шорох какой почудится — сразу замереть. Ветра-то давно нет. Буд-

то бы и не было никогда, сгинул он вместе с жизнью нормальной. Потому каждый шорох еще страшнее.

Весь день бродил Афанасий — и все зазря. Нет цветка.

Последняя ночевка оставалась — последняя надежда. Бывалые говорили, что Цветок Папоротника днем-то шансов немного разглядеть — цветок как цветок. Обычный такой, как все привыкли. А вот ночью загорится — тогда проще будет.

Ну и пускай. Что ему в пятьдесят годов сутки не вздремнуть, коли жизнь на кону.

Вонь только новая пугала его до дрожи. Не было её. Сколько лет в Лес ходил — не было.

Покряхтел, покряхтел Афанасий... и уснул. Взяли всё-таки своё годы проклятые. Вот бы мутацию такую, чтоб не спать. Или другую полезную... как у Федорыча.

В нос ударил страшной силы запах. Да и отвратительный какой — ни с чем не сравнить даже. «Да пропади ты пропадом», — ругнулся Афанасий и глаза открыл.

И сел.

Прямо перед его носом цветок струился. Листья зелёные, яркие, а посередине, на длинном тонком стебле цветок. Как жидкий огонь льётся.

А рядом птица странная. Да что там странная — светится же. Огонёчки алые с золотом по пёрышкам перебегают — красота.

А смотрит недружелюбно. На цветок косится.

Глянул Афанасий — а цветок-то и не цветок вовсе. Стебель прямо из яйца треснувшего тянется.

Застыл дед.

А птица дивная каркнула — и взмахнула вверх. К Стене полетела.

И на месте, где сидела еще яйцо. И прямо на глазах у Афанасия трещит оно, и трещинка малень-

кая ползет-ползет, выше да выше, и цветок из неё — р-раз!

Молодой еще. И пахнет как!

«Да быть такого не может!» — охнул дед, приближаясь к цветку. Что ж охотнички-то не говорили, как радость эта воняет!

Верно, секретец про запас берегли. Да по сравнению с Фениксом какой уж это теперь секрет.

Каждый сам за себя. «И то верно», — подумалось старику. Ведь и он не скажет. Ей-ей, ему, может, ещё десяток лет таким махом протянуть удастся. И схватил тот цветок, что постарше.

Нос зажать — и жевать, жевать это влажное пламя. Жевать и глотать, и не дышать, Господи, только ж не дышать — задохнуться можно от этой вони!

Жевать, жевать, жевать. И чувствовать, как косточки, родимые, обратно по чуть-чуть, не спеша так, ползут. И дышать уже вроде не больно...

«Ох, спасибо, спасибо, родненький», — прочавкал Афанасий. И жадно усталился на второй цветок.

Сейчас съесть или оставить? Слышал он, что цветы эти долго живут. Да и не цветы это вовсе.

А если припрет, на следующий год — вдруг с малым что случится?

«Каждый сам за себя, конечно. Это да» — подумал Афанасий и посмотрел на свой топор новенький. Малец сам вырезал, и ведь в секрете от всех хранил, знал порядки деревни перед Охотой.

Каждый сам за себя. А малец все-таки золотой у него. Повезёт ли ему это чудо самому лег через пять найти?

Прокатилось пламя огненное по лезвию, и упал Цветок Папоротника на землю. А сиять не перестал. Значит, взаправду охотники болтали.

Сунул аккуратно Афанасий огонек в рюкзак и побрел домой. А обратная дорога — куда уж легче! И кости не рвутся сквозь кожу, и все еще

чувствует, как тело обратный ход дает. Главное ж — не улыбаться. Прознают — позавидуют. А так может, и не заметят, что повезло старику. У него ж не чешуя какая на морде, а кости. Кто про его кости старые допытываться будет?

Афанасий еще как к окраине подходил — уже видел — нет дома пацана. Их домишко на отшибе, света нет. А темнеет уж...

Пустая хата. С цветком-то в жилах старик куда быстрее дошел, ясное дело — не ждали. А он вот удивит.

Ох, ну и получит же паршивец тумачков. Топор топором, а деда дома ждать было велено.

Посидел Афанасий на печке а косточки не ноют — поют! И дышать легко, и побродить охота — даром что в лесу столько дней провёл.

— Ай, ну и пройдуся, — махнул с печки дед.

Вышел во двор — а свои-то искоса смотрят, сторонятся. Будто не свои — чужие.

И Федорыча нет.

— А Федорыч-то где? — подловил Афанасий одну из баб. Глупая баба задрожала, соплиу утёрла и крикнула вдруг:

— А не вернулся еще! Не знаю я, что мне за чужими приглядывать?!

Вырвалась и убежала.

А действительно — что ей за чужими приглядывать, за взрослыми-то...

Замерло сердце у Афанасия.

За взрослых не верещала бы так.

Анны нет. Малого нет.

И бухнуло сердце — аж в пятки, а в ушах громом отдавало.

— Где!? Где мальчика дели!? — взревел старик.

Молчат все — боятся. А раз молчат и здесь кучкуются — значит, всё. Что-то произошло уже, нехорошее, непоправимое.

Раз — слеза по щеке побежала.

Два — еще одна обожгла.

Афанасий утерся быстро, ненужные слезы смахнул: «Уйдите, глупые, не до вас сейчас».

Смотрит — Аннин раритет разбит. Зеркало ейное. Одно на деревню было.

Неспроста.

— Неужто? — проговорил дед и на зеркало разбитое указал взглядом. Один из мужиков и кивнул в ответ:

— На следующий день как ушли. Страшная стала — чертей лучше малюют.

— И куда?

— В Синее Озеро.

— И мой за ней!?

Уж не помнил Афанасий, чтобы мчался так. Зелёное, синее, красное — куда там траву разглядывать — бежать! Бежать к Синему Озеру, подхватывать малого, к груди прижать — живой, живой!

— Лазил в воду?! Отвечай, чертов сын! — гаркнул Афанасий, а сам чует — нет, сухая одежда у мальчонки.

— Веревкой вытащил, — хмуро отозвался малой. А на самом лица нет.

Оно и понятно. Анна синеокая, Анна-красавица, что ж ты с собой сделала-то?

Теперь не то что синие — где они вообще, глаза-то её распрекрасные?

— Нашел ты лекарство своё, дед? — бесцветным голосом спросил малой. В глазах — ни слезинки, на руках — девчонка едва дышит. Чем дышит-то? Ни носа на лице не разобрать, ни рта.

Дышит еще. На свою беду, дурочка. Ей бы теперь умереть лучше.

Да разве ж малому объяснишь?

Вспомнил дед про цветок в рюкзаке, да промолчал.

Каждый сам за себя.

— А воняет-то чем от тебя, дед? — глухо донеслось до Афанасия, как будто вовсе и не внук спрашивает.

Пригляделся Афанасий — ну точно. И он, кровь родная, вслед за ней в озеро пойдёт. Как сгинет Анна — так и зачахнет. У них на деревне же никто ей и в подметки не годился, синеглазке-волшебнице.

— А пела-то как... — вырвалось у Афанасия, и он отвернулся к озеру, чтоб слезы скрыть.

Отвернулся — и в гладь взглянул. Не любил он Синее Озеро, да и что в него смотреться-то.

А тут посмотрел.

И увидел все как есть: девка молодая, парень — родная кровь. И жадный, ох какой жадный старик.

Каждый сам за себя, конечно. Это да. Каждый...

— Эх, жизнь моя на добрые дела, — пробормотал дед, доставая Цветок.

Днем-то свечение не такое уж яркое. А вонь все равно нестерпимая.

Краем глаза заметил Афанасий, как глаза у малого загорелись. И рот разинул, дуралей.

— Чего застыл? Открывай рот пустоголовой своей да запихивай! Вооот. А теперь жуй, жуй, дура, — гаркнул он на ошалевшую Анну, — живая же, вижу. Жуй, может, и будешь синеокой опять.

Сил не было у девчонки. Пришлось самому чюлости ей двигать.

— Ну глотни хоть, дрянь, знаю, но глотни ж. Подарок на свадьбу вам, — приговаривал Афанасий, смахивая горячие слезы...

Не звери ж они, честное слово, чтоб вот каждый сам за себя... **✠**